

Петр Аркадьевич СТОЛЫПИН

1862—1911

«Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь.

Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций.

Им нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия!»

*Из «Речи об устройстве быта крестьян и о праве собственности»
в Государственной думе. 10 мая 1907 г.*

А. Изгоев

П. А. СТОЛЫПИН. ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Настоящий очерк был начат в июле 1911 года, как попытка подведения некоторых итогов пятилетней деятельности П. А. Столыпина на посту председателя Совета министров. В сентябре работу пришлось приостановить и подвергнуть значительной переделке. Пятилетние итоги превращались уже в итоги всей жизни.

Предательская пуля террориста из охранного отделения прекратила эту кипучую жизнь, разбила горячее сердце человека, во многом виновного, во многом ошибавшегося, но горячо любившего родную землю и отдавшего ей все свои силы. Погиб политический деятель, смелый человек, навеки связавший свое имя с пятью годами жизни «обновленной России»...

Трагическая кончина на посту явилась как бы апофеозом всей деятельности П. А. Столыпина. Но прервала ли она ее на полдороге? Оставались ли в политике П. А. Столыпина еще новые, неизведанные возможности, скрывались ли для судеб России какие-либо новые надежды? На этот счет взгляды расходятся. Я думаю, что П. А. Столыпин вполне исчерпал себя, что он давно дал уже все, что мог. Удар убийцы настиг П. А. Столыпина в то время, когда его политическая карьера уже заканчивалась.

Еще в декабре 1907 г. в журнале «Русская мысль» пишущий эти строки поместил характеристику П. А. Столыпина, от основных линий которой не приходится отказываться и теперь. То, что я говорил о П. А. Столыпине три с половиной года тому назад при его жизни, я могу, с дополнениями и новыми выяснившимися подробностями, повторить и теперь, когда он умер.

Это обстоятельство дает мне возможность не бояться ни воздаяния П. А. Столыпину должного за то, что было в нем хорошего, ни резкого осуждения его политических ошибок. Эта книга равно свободна и от лести, и от надругательства над мертвым и теперь уже бессильным.

Конечно, для беспристрастной истории время еще не наступило. Обнародованные факты очень скудны. Еще свежи воспоминания о недавних битвах, и трудно отрешиться от чувств, вызывавшихся той или иной мерой, в свое время причинявшей так много горя. На бесстрашие историка автор этой книги не может, конечно, претендовать, но он искренно желал соблюсти правдивость в изложении фактов и возможное для современника беспристрастие в оценках. Ошибки возможны, но могу с чистой совестью сказать, что это — ошибки неполного видения, но не умысла.

Глава I

Происхождение и первые шаги

П. А. Столыпина

Столыпины — древний дворянский род, ныне занесенный в родовые дворянские книги по Пензенской и Саратовской губерниям. Впервые эта фамилия упоминается в летописях русской истории в XVI веке. Из родословного списка можно составить наглядное представление о роде, из которого вышел Петр Аркадьевич Столыпин.

Большое потомство товарища пензенского воеводы Емельяна Столыпина вошло в ряды высшего русского дворянства и в XVIII веке давало не только представителей гражданской и военной бюрократии, но и образованных людей, причастных к литературе. Так, уже в 1801 г. в «Иппокрене» были напечатаны стихотворения Дмитрия Столыпина, вероятно секунд-майора, брата прадеда Петра Аркадьевича, а не его деда Дмитрия, впоследствии генерал-майора.

Неизвестный художник. Портрет полковника гвардейской артиллерии Дмитрия Алексеевича Столыпина.

После 1814 г.

Д. А. Столыпин (1785—1826) — герой Отечественной войны 1812 г., брат бабушки Михаила Юрьевича Лермонтова, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, и дед Петра Аркадьевича Столыпина.

У Алексея Столыпина было многочисленное потомство, давшее три главные линии: 1) одну, приведшую к генералу Димитрию Аркадьевичу, писателю, одному из немногих русских чистых последователей Огюста Конта, ярому врагу русской общины; 2) другую — к ныне погибшему Петру Аркадьевичу и 3) третью, по женской линии, давшую знаменитого нашего поэта Лермонтова.

Аркадий Алексеевич Столыпин, сенатор, друг Сперанского, в свое время считался человеком прогрессивного образа мыслей. Его брат Димитрий, дед покойного председателя Совета министров, избрал военную карьеру, дослужился до чина генерал-адъютанта, принимал участие в Венгерской, Крымской и Русско-турецкой кампаниях. Но военная служба, видимо, не поглощала его всецело: он тоже был писателем, составлял популярные исторические книжки для народа. Кроме того, он занимался и скульптурой и на одной из выставок 1860-х годов выставил два своих произведения. Судя по содержанию скульптур (голова Спасителя по изображению Иосифа Флавия), его интересовали религиозные вопросы.

Ясно, что семья Столыпиных не была дюжинной дворянской семьей того времени, грубой, невежественной, с кулаческими привычками. Уже с XVIII века она насыщена была модным тогда «французским просвещением» с его поверхностно цивилизирующим лаком, с сентиментальным лицемерием и подлинными умственными и культурными интересами. Этот цивилизованный налет нашел подходящую почву и дал плод в виде несомненной литературной талантливости целого ряда представителей столыпинской семьи вплоть до ныне живущего литератора Александра и покойного премьера, обладавшего несомненным ораторским дарованием.

Посмотрим теперь, что могла дать П. А. Столыпину его личная служебная карьера. Понятно, что мы можем исходить только из данных, уже опубликованных и, естественно, весьма скудных.

Петр Аркадьевич Столыпин родился в 1862 г., образование получил на естественном факультете Санкт-Петербургского университета, где и окончил курс в 1884 г. Свою службу он начал

Аркадий Дмитриевич Столыпин
(1822—1899)

Ученик Виленской гимназии
Петр Столыпин.
1876 г.

в Министерстве внутренних дел, но через два года перешел в ведомство земледелия и государственных имуществ. Затем он снова поступил в Министерство внутренних дел и занял должность предводителя дворянства в Ковенском уезде (в Западном крае, как известно, предводители дворянства служат по назначению). Из газетных сообщений известно, что в Ковенской губернии у П. А. Столыпина есть имение. В 1899 г. П. А. Столыпин был назначен ковенским губернским предводителем дворянства, а в 1902 г., при В. К. Плеве*, он был определен исправляющим должность гродненского губернатора. При Плеве же П. А. Столыпин в 1903 г. получил назначение на пост саратовского губернатора, в то время считавшийся очень ответственным и трудным, так как губерния слыла «красной». 26 апреля 1906 г., в день падения первого русского «объединенного кабинета» графа Витте, П. А. Столыпин, еще молодой сравнительно человек, 44 лет, был назначен министром внутренних дел в кабинете

Горемыкина. Горемыкинский кабинет оказался не долговечнее Первой думы и был сменен кабинетом П. А. Столыпина, который, видоизменяясь и обновляясь, просуществовал более пяти лет.

Таковы внешние черты служебной карьеры П. А. Столыпина. Попытаемся вскрыть ее содержание.

П. А. Столыпин — «восьмидесятник». В университет он поступил если не в самом 1881 году, то, во всяком случае, около этого времени. Его молодые, самые важные годы учения прошли под непосредственным впечатлением катастрофы

*«Родина требует себе
служения настолько
жертвенно чистого,
что малейшая мысль
о личной выгоде
омрачает душу
и парализует работу».*

П. А. Столыпин

* Вячеслав Константинович фон Плеве (1846—1904) — российский государственный деятель, в 1902 г. сменивший на посту министра внутренних дел Д. С. Сипягина, погибшего в результате террористического акта. Через 2 года Плеве тоже был убит студентом-эсером Е. Созоновым (операцией руководил Е. Азеф). Преемником Плеве стал П. Д. Святополк-Мирский. (Здесь и далее примечания редактора.)

Император Александр II
(1818—1881)

Реформы, произведенные в правление Александра II, вызвали значительный рост общественного недовольства. Появились первые революционеры-террористы. Первая попытка убийства царя была предпринята в 1866 г., а с 1880-х гг. терроризм становится в России массовым явлением.

1 марта и последовавшей за ней тяжелой общественной реакции. Наступившая затем полоса была окрашена в якобы славянофильский цвет. Звали «назад», «домой», будто бы к преданиям московских царей, ко времени мнимого единения царя с народом. На самом же деле власть была взята в руки бюрократией немецко-русского состава, укрепившей свое положение рядом льгот, которые были оказаны дворянству, сильно пострадавшему экономически от освобождения крестьян. «Национальный курс» политики императора Александра III оказался очень благоприятным для развития в России грюндерства и «международного» капитализма. С той поры в сознании правящих классов прочно утвердилось убеждение, что под славянофильскими и националистическими флагами нетрудно провозить самую обычную буржуазную «интернациональную» контрабанду. Сам С. Ю. Витте, один из виртуозов такого национал-буржуазного лицемерия, всеми мерами содействуя привлечению в Россию иностранных капиталов и образованию гигантских капиталистических предприятий, чуть ли не до самого 1905 года продолжал утверждать, что у нас, в отличие от Западной Европы, отношения между рабочими и хозяевами складываются совсем по иному, патриархальному началу, ничего общего не имеющему с европейской классовой борьбой...

Неизвестный художник. Убийство Александра II 1 (13) марта 1881 года

И. Н. Крамской. Император Александр III.

1886 г.

Несмотря на то что Александр III (Миротворец) (1845—1894) отказался от либерального курса, принятого его отцом, правление его оказалось достаточно успешным и мирным. Терроризм практически сошел на нет, положение беднейших слоев населения несколько улучшилось. Удалось достигнуть значительного промышленного роста и финансовой стабилизации, а также поднять международный престиж России.

Реформы Александра II решительно поставили Россию на обычный европейский путь культурного развития, превращения в буржуазное правовое государство. Царствование Александра III в самом существенном не свело, да и не могло свести, страны с этого пути. Но, продолжая строить железные дороги, развивать промышленность, перестраивать и натуральное

народное хозяйство на меновое, правящие слои этого царствования все свои интеллектуальные силы отдали на создание фикции, будто на самом деле Россия продолжает оставаться старинной национальной монархией чуть ли не допетровского времени. Уже буржуазное по существу государство хотело казаться славянофильским по форме. Это лицемерие сделалось основным тоном той

Факсимиле съ протокола постановлений II съезда земских деятелей
6—9 ноября 1904 г.

*Частное совещание земских деятелей. В за-
седаниях, происходивших 6го, 7го и 8го ноября 1904
г. в Петербурге, обсудив вопросы об обычных
условиях, необходимых для правильного те-
чения и развития нашей общественной и го-
сударственной жизни, пришли к следующим
заключениям.*

1. *Канониальность существующего в нашей жизни
порядка государственного управления, с особой силой
проявившаяся с начала восьмидесятих годов,
заключается в полной разобщенности прави-
тельства от общества и в отсутствии не-
обходимо в государственной жизни взаим-
ного между ними доверия.*
2. *Отделение правительства от общества иными
в своих основах опаснее развития обще-
ственной самодельности и постоянное
стремление к устранению общества от уча-
стия во внутреннем государственном управ-
лении наряду с теми основами прави-
тельства стремление к проведению админи-
стративной централизации во всех отраслях
интенсивного управления и к переносу на
все стороны общественной жизни властно-
дѣйств. от общества признавалось прави-
тельством исключительно в смысле прива-
дены деятельности общественной дея-
тельности в соответствии с видами правительства.*
3. *Бюрократический строй, работая вразбуж-
вость с населением, создает почву для
широкого проявления административного произвола
и много усиления. Такой порядок иная
от общества необходим всегда утверждать
в охрана законных прав всех и каждого
и подрывает доверие его к правительству.*

Постановление Земского съезда

«Частное совещание земских
деятелей», известное в истории как
первый легальный Земский съезд,
собрало в Петербурге в начале ноября
1904 г. представителей всех сословий
России и выработало и утвердило
большинством голосов резолюции,
требовавшие от царя конституции,
свобод и парламента. По окончании
съезда началась так называемая
банкетная кампания, целью которой
было распространение решений
Земского съезда и публикация его
резолюций в виде петиций в печати.

эпохи, и, конечно, видный представитель поме-
щичьей среды, избравший административную
карьеру, не мог не проникнуться этим господ-
ствующим в его среде настроением.

Весьма вероятно, что в кровавой драме 1 мар-
та надо искать корень и одной основной черты
политического мирозерцания П. А. Столыпина

на — его глубокого, инстинктивного недоверия
к русской интеллигенции. Не пережив, видимо,
своей собственноручной молодежи 1870-х годов, чуть ли
не поголовно, горячки социалистических увле-
чений, П. А. Столыпин, под непосредственным
впечатлением царубийства, не имея возможно-
сти глубже вдуматься в корни русской трагедии,
пришел к убеждению, что интеллигенция непри-
миримо враждебна монархии и что все ее идеи,
прямо или косвенно, ведут к низвержению этой
формы правления, вне которой он не мыслил су-
ществования России.

Служба в Министерстве земледелия поставила
П. А. Столыпина близко к вопросам крестьян-
ского землеустройства, с которыми ему и рань-
ше приходилось сталкиваться в роли помещика.
Впоследствии, защищая в Государственной думе
правительственную земельную программу, П. А.
говорил: «Пробыв около десяти лет у дела земель-
ного устройства, я пришел к глубокому убежде-
нию, что в деле этом нужна продолжительная
черная работа... разрешить этого вопроса нель-
зя, его надо разрешать». Своим личным опытом
в земельном деле П. А. Столыпин очень дорожил
и, видимо, им гордился.

Из Министерства земледелия он перешел
в Министерство внутренних дел и начал службу
в Ковенской, а затем в Гродненской губерниях.
В обеих этих губерниях, как известно, господ-
ствующим элементом являются польские по-
мещики-дворяне, находящиеся в очень свое-
образных отношениях к представителям русской
власти. Внешний тон этих отношений (конечно,
на верхах) чрезвычайно корректный, вежливый,
но холодный, замкнутый, с большой примесью
хитрости и лукавства. Произнося дружелюбные
слова, держат сзади наготове камень. Вежливое
недоверие проникает весь строй этих отноше-
ний. Не подлежит сомнению, что своеобразный
тон отношений русской высшей администрации
к польской шляхте чрезвычайно резко сказался
в характере покойного председателя Совета ми-
нистров и был им перенесен и в другие сферы об-
щественно-политической жизни. Сам П. А. Сто-
лыпин говорил П. Б. Струве*, что он хорошо

* *Петр Бернгардович Струве* (1870—1944) — русский обще-
ственный и политический деятель, экономист, публицист,
историк, философ. По политическим взглядам из социал-
демократа и марксиста (1890-е гг.) постепенно эволюциони-
ровал в либерала, позднее примкнул к кадетам. В 1907 г. стал
депутатом II Государственной думы.

Голодный год. Нижегородские крестьяне у земского начальника в городе Княгинино.

Фотография М. Дмитриева. 1891—1892 гг.

знает поляков, многому у них научился и многим им обязан. Временами это чувствовали даже «союзники», попрекавшие первого министра «польскими шляхетскими приемами» и по своей привычке стремившиеся открыть поляков и полек даже в его родословной. Служба в Западном крае близко ознакомила П. А. Столыпина и с одним из самых острых национальных русских вопросов — еврейским. Особенность русской администрации в Западном крае составляет и некоторый ее демократизм, в значительной степени мнимый и сбивающийся на демагогию, но все-таки резко отличающий ее в сравнении с администрацией внутренних губерний, где чиновник, серьезно или напоказ выдвигающий на первый план интересы крестьян, не может быть терпим на службе. В западных же губерниях помещико-дворянский элемент представлен главным образом поляками. Крестьяне же там в огромном большинстве православные, по национальности — не поляки и, благодаря своему антагонизму с помещиками, являются самой сильной опорой русского правительства. Поддержка крестьян и закрепление

их недоверия к помещикам-полякам — один из догматов управления Западным краем.

На губернаторскую должность, сначала в том же Западном крае, П. А. Столыпин был призван при Плеве. Он был одним из так называемых плевенских губернаторов из предводителей дворянства, на которых Плеве думал возложить весьма важную политическую миссию. Основной мыслью Плеве было «овладеть движением», начинавшимся тогда в России. С революционно-социалистическим движением интеллигенции он рассчитывал справиться при помощи полицейской силы и провокации, в рядах которой уже тогда были Азеф и сотни, если не тысячи, других. Рабочим движением предполагалось овладеть при содействии Зубатова и Гапона. Но, как практического политика, более всего беспокоило Плеве растущее земское конституционное движение. Он считал его очень опасным, так как оно вербовало своих приверженцев в рядах дворянства, в руки которого отдано было земство. Были налицо и признаки, что движение переходит и на дворянство, как сословие. Близость дворянства к пре-

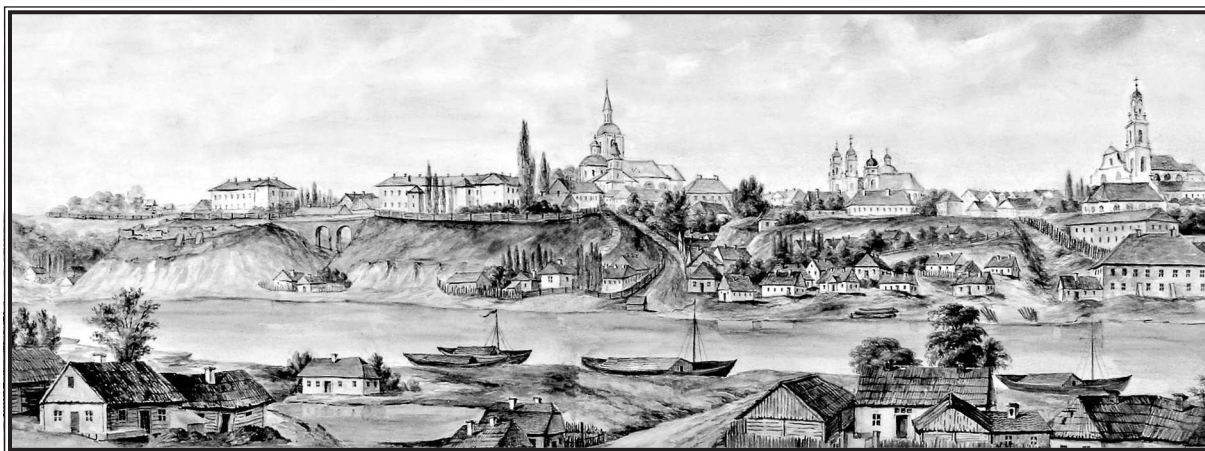
столу делала конституционное движение очень опасным для бюрократии. Необходимо было бороться с ним. Для этой борьбы и выдвигались новые губернаторы из предводителей, культурные, образованные, даже либеральные люди, имеющие связи с местным обществом, главным образом, конечно, с дворянством. Они должны были «овладеть» местным обществом и, где надо лаской, где угрозой, внести разложение в ряды формирующейся оппозиции. Плеве очень не любил независимых земских деятелей, не только таких, как Петр Дмитриевич Долгоруков, не скрывавший своих конституционных взглядов, но даже столь умеренных, как Д. Н. Шипов, в то время бывший сторонником славянофильского совещательного собора. Но всем этим земцам, и особенно настойчиво кн. Долгорукову, Плеве неоднократно предлагал губернаторские места.

По внешним своим данным П. А. Столыпин вполне подходил к роли «плевенского губернатора». Культурный, образованный человек, владеющий прекрасно тремя языками, помещик, дворянин и хозяин. Утверждали, правда, что Плеве ставил в вину П. А. Столыпину чрезмерную склонность «к фразе и позе», но в общем, несомненно, он ценил своего гродненского губернатора высоко, ибо иначе он не перевел бы его так быстро в столь опасную губернию, как Саратовская, где сильное земско-дворянское движение еще сильнее взвинчивалось революционно настроенным третьим элементом и широко разраставшимся крестьянским аграрным волнением.

По должности гродненского губернатора П. А. Столыпину пришлось председательствовать в губернском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности как раз в то время, когда Плеве ликвидировал «опасную затею» Витте. Официальные документы («Труды местных комитетов», вып. XI, Гродненская губерния. СПб., 1903 г.) дают нам возможность установить, каких взглядов держался тогда будущий премьер, по крайней мере на некоторые вопросы.

Уже в первом заседании губернского комитета июля 1902 г. в своей вступительной речи П. А. Столыпин указал как на «главнейшие факторы улучшения сельскохозяйственной промышленности губернии» на 1) расселение крестьян на хутора; 2) переход от шнурового пользования надельными землями к хуторскому хозяйству; 3) устранение чересполосности земель; 4) мелиоративный кредит. В ноябрьских совещаниях он подробнее развил свою аграрную программу. «Сохранить установившиеся, веками освященные способы правопользования землей,— говорил в конце 1902 г. покойный председатель Совета министров,— нельзя, так как они выразятся в конце концов экономическим крахом и полным разорением страны».

В частности, для Гродненской губернии он выдвигал на первую очередь уничтожение сервитутов и разверстание чересполосных земель, «без чего никакое серьезное улучшение сельского хозяйства вообще произойти не может». В деле уничтожения вредных способов «правопользования землей» П. А. Столыпин стоял за радикаль-

Н. Орда. Панорама Гродно.
Середина XIX в.

Казачи на Дворцовой площади разгоняют демонстрантов.

Иллюстрация из британского периодического издания. 1905 г.

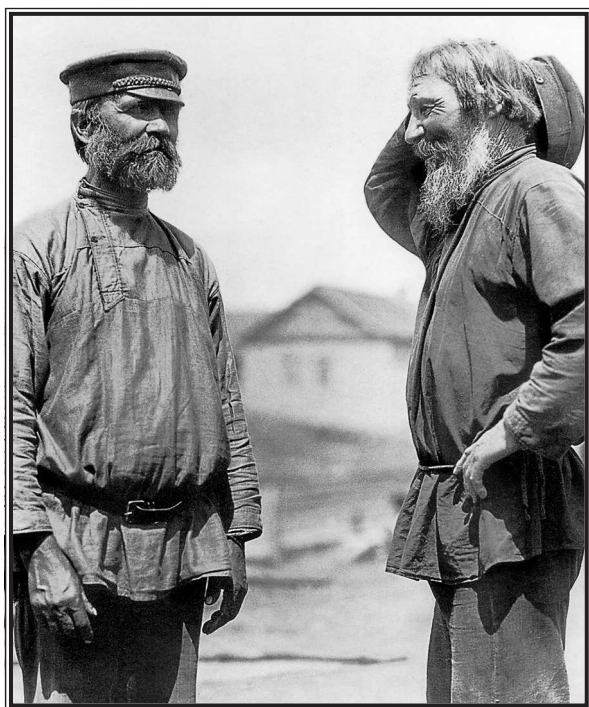
9 января 1905 г. правительственные войска открыли огонь по нескольким многолюдным колоннам мирного шествия рабочих, направлявшихся к царю с петицией. В результате было ранено около 300 и убито 130 человек. Эти события, получившие название «Кровавое воскресенье», стали началом массового революционного движения в России.

ные меры: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».

Руководивший в то время нашей земельной политикой г-н Стишинский держался несколько иных взглядов и в сохранении общины видел одно из условий сохранения самодержавия. Общим для Столыпина и тех деятелей, аграрные идеи которых воспринял Плеве, были

лишь безграничная вера во всемогущество административных мер и худо скрытое недоверие к «подъему умственного развития народонаселения, которое настанет неизвестно когда».

Само собою разумеется, что в 1902 г. П. А. Столыпин был абсолютистом, хотя и с оттенком «просвещенного абсолютизма». В его речах проскальзывают и какие-то слабые, бледные намеки на необходимость общественной самостоятельности. Откровенные крепостники во всяком случае не вызывали его сочувствия. На одном из заседаний комитета князь Святополк-Четвертинский развил обычную крепостническую теорию: «Нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд, а не образование. Образование должно быть

Крестьяне.

Фотография. 1890—1900-е гг.

доступно обеспеченным классам, а не массе, нравственные и государственные взгляды которой таковы, что, с введением обязательного образования или с расширением доступа в школы, она, несомненно, будет стремиться к государственному перевороту, социальной революции и анархии».

На эту речь гродненского зубра* П. А. Столыпин ответил резкой отповедью: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии. Сравните Германию и Италию: главный контингент анархистов дает последняя страна, а народное образование в ней очень слабо. Общее образование в Германии должно служить идеалом для многих культурных стран... Социализм в Германии — скорее академический вопрос, и предохранительный клапан распространения социализма и социалистических идей — страхование рабочих...»

Для всей страны нашей необходимо общее женское образование. Распространение сельскохозяйственных знаний, без которых зем-

ледельческая страна существовать не может и мало-помалу приходит к разорению, зависит от общего образования. Развивайте его по широкой программе, в связи с преподаванием сельскохозяйственных знаний, и вы дадите большую обеспеченность земледельческому классу, самому консервативному в каждой стране» и т. д. и т. д.

На всех этих взглядах гродненского губернатора лежит, впрочем, печать того националистического демократизма, который, как мы уже говорили раньше, является обязательным для каждого представителя русской власти в западных губерниях и который быстро исчезает, когда тот же администратор попадает в центральные губернии, где поместный класс представлен русским дворянством. Так, по поводу обязательного обучения гродненский губернатор говорил: «Со временем обязательное обучение будет понятно, так как единственная цель и главная задача школ — обучение знанию государственного языка и воспитание русских граждан». Считать «единственной» задачей школ русификацию можно, конечно, только в чаду борьбы с полонизмом, представляемым в Гродненской губернии главным образом помещиками.

Как председатель губернского комитета, П. А. Столыпин, твердо соблюдая инструкции Плеве, не допускал никаких «общих вопросов», в той или иной мере касающихся государственного строя. Он, правда, признал, что, «быть может, всякое политическое ограничение и вносит в иных случаях экономическое стеснение», но в другой раз, например, решительно заявил, что вопрос о нуждах сельскохозяйственной промышленности с вопросом о введении земской реформы «не имеет тесной, непосредственной и, так сказать, органической связи»...

Из Гродненской губернии П. А. Столыпин был переведен в Саратовскую, где уже слышались раскаты приближающейся бури, где крестьянство глухо волновалось. Впоследствии, при назначении Столыпина министром внутренних дел в кабинете Горемыкина, П. Н. Милюков в «Речи» (1906 г., № 53) писал: «П. Столыпин — не самый дурной из губернаторов, но и в его прошлом есть знаменитая балашовская история, а крестьянские экзекуции нашли в г-не Столыпине особенно усердного адепта. Есть, впрочем, люди, которые думают, что такие вещи можно делать корректно». В свою очередь, крайние правые, когда разочаровались в Столыпине и объявили ему вой-

* «Зубрами» в те времена называли консерваторов, ретроградов.

ну, попрекали его тем, что ни в одной губернии не было сожжено столько дворянских имений, как в Саратовской, что губернатор Столыпин дружил с «красными» земцами и даже защищал их в Балашове от «народного негодования», за что и сам пострадал.

Вкратце в Балашове произошло вот что. На один из обычных в то время митингов в земской управе напали черносотенцы. Земским служащим грозила очень серьезная опасность. На выручку явился губернатор Столыпин, который под эскортом казаков вывел осажденных, но при этом толпа бросала в земцев камни, одним из которых был задет и губернатор, а призванные губернатором для защиты земских служащих казаки били их нагайками, причем один казак ударил председателя управы Н. Н. Львова, находившегося возле Столыпина. Губернатору ставили в вину, что его обращение к толпе носило двусмысленный и во всяком случае малоуспокоительный характер и что казаки, избивавшие земцев в присутствии самого губернатора, тоже не встретили надлежащего отпора. Указывали также, что среди имений, сожженных в Саратовской губернии,

было очень много таких, которые принадлежали видным оппозиционным деятелям.

Все наблюдатели единогласно отмечают редкое личное мужество П. А. Столыпина, спокойно входившего в середину бушующей толпы, не принимавшего никаких мер для охраны своей личности в то время, когда террор был в разгаре.

В Первой думе, на заседании 15 июня 1906 г. (см. «Стенографические отчеты», стр. 1344 и сл.), Аникин подробно и в очень резкой форме говорил о борьбе П. А. Столыпина с прогрессивным саратовским крестьянством. В селе Лох Саратовского уезда, рассказывал член Думы, года три тому назад 15 молодых крестьян, грамотных, развитых, объединились в артель, завели все артельное хозяйство и на доходы с артельного хозяйства устроили библиотеку, помогали бедным крестьянам, помогали погорельцам и явились культурным ядром села, которому завидовали многие. Но Столыпин, рассказывал Аникин, поехал в село Лох, давил на земских начальников, на старшин и принимал все меры к тому, чтобы разбить эту организацию. Члены крестьянской сельскохозяйственной артели в селе Лох были арестованы и посажены

Машина для обмолота зерна фирмы «Братья Рёбер».

Фотография. 1890-е гг.